

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ МАШИНЫ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

LANGUAGE IMAGE OF THE MACHINE: METHODOLOGICAL BASES OF THE RESEARCH

В статье осмысливается образ машины в аспекте антропоцентризма языковой картины мира. Выдвигается гипотеза об изоморфности образов человека и машины как о факторе, определяющем методологию исследования последнего. Характеризуются ипостаси языкового образа машины: объектная, квазисубъектная и собственно субъектная.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, языковой образ машины, антропоцентризм, ипостаси языкового образа, лингвоантропологическое исследование.

The article conceptualizes the image of the machine in the anthropocentric aspect of the linguistic view of the world. The authors hypothesized the isomorphism of the images of man and machine as a factor determining the methodology for studying the latter. The hypostases of the linguistic image of the machine are characterized: objective, quasi-subjective, and subjective proper.

Keywords: Russian linguistic view of the world, linguistic image of the machine, anthropocentrism, hypostases of linguistic image, linguoanthropological research.

Слово *машина* толкуется словарями русского языка как «механическое устройство, совершающее полезную работу с преобразованием одного вида энергии в другой» [1, с. 286]; «механизм или совокупность механизмов, совершающих полезную работу с помощью преобразования одного вида энергии в другой» [2] и т. п. Во всех случаях приведенное выше значение открывает собой словарную статью — именно оно, практически покрывающее собой все остальные, является для нас приоритетным.

Мы окружены более или менее сложными машинами. Умные практически думают за нас, а люди нередко ведут себя как *машина*. В любом случае в наш технический век несомненный интерес представляет способ, которым язык «обрабатывает» человеко-машинные отношения. В статье аргументируется выбор методов исследования языкового образа машины.

Для омской лингвоантропологической школы, к которой мы себя причисляем, важнейшими методологическими установками, определяющими направления и методики научного поиска, являются прежде всего представления о языковых ипостасях человека.

Под языковыми ипостасями вслед за М. П. Одинцовой мы понимаем те качества, «которые не просто названы, то есть входят в словарный состав языка, но прежде всего те, от которых зависит сам строй языка и речи, его сущностные характеристики» [3, с. 9].

Основными языковыми ипостасями считаются:

- субъектная (субъект речи/мысли): говорящий, отправитель речи, ее инициатор, автор, языковая личность, речетворец;
- объектная (объект речи/мысли): предмет высказывания, тема разговора, его герой, персонаж;
- аксиологическая (субъект/объект оценок и интерпретаций) [3, с. 9–12].

Эти три ипостаси получили весьма подробное, но ввиду бесконечности объекта исследования — человека в языке — далеко не исчерпывающее описание. Многочисленные работы, в том числе диссертационные, доказали правомерность этой триады и перспективность ее использования

в качестве методологического основания исследования. Заметим, что предложенная М. П. Одинцовой трехчленная схема легко трансформируется в традиционную бинарную оппозицию «субъект — объект», если отнести к субъектной ипостаси человека его статус субъекта оценок и аналогичным образом поступить с ипостасью объектной. Такое двичное противопоставление также регулярно и обоснованно использовалось в работах лингвоантропологов, ставясь рамкой для описания «человека в языке» (знаменитая формула Э. Бенвениста очень метко характеризует вектор исследования).

Зачем этот экскурс в лингвоантропологию, если в фокусе нашего внимания образ машины? Да, мы рискуем применить к нему эту схему, руководствуясь следующими соображениями.

Хрестоматийно известен антропоцентризм картины мира: все, что человеку интересно, нужно, важно, называется и оценивается им, становится содержанием высказывания, измеряется по «мерке человека» и т. д. Возникает вопрос, имеет ли этот тезис об антропоцентризме какое-то особое значение для образа машины или он верен не больше и не меньше для последнего, чем для любого другого. Смеем предположить, что особое значение имеется.

Первая причина — корреляция понятий «труд» и «машина». Труд — атрибут человека, наряду, например, с членораздельной речью, один из отличительных признаков человека. Роль труда в жизни человека осмыслена и в народной культуре (приведем несколько русских пословиц: *Без труда жить — только небо коптить; Воля и труд чудесные всходы дают; Дерево ценят по плодам, а человека — по делам; Рукам работа — душе праздник; Труд всегда дает, а лень берет; Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто* и т. д.), и в книжной (сравним с приведенными пословицами высказывания мыслителей разных времен и народов: *Истинное сокровище для людей — умение трудиться* (Эзоп); *Если бы дети не принуждались к труду, то они не научились бы ни грамоте, ни музыке, ни гимнастике, ни тому, что наиболее*

укрепляет добродетель, — стыду. Ибо по преимуществу из этих занятий обычно рождается стыд (Демокрит); Дорога к славе прокладывается трудом (Публилий Сир); Великих людей питает труд (Сенека Младший); Жизнь — значит работать. Труд есть жизнь человека (Вольтер); Работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока, нужды (Вольтер); Труд облагораживает человека (В. Г. Белинский); По степени большего или меньшего уважения к труду и по уменью оценивать труд... соответственно его истинной ценности — можно узнать степень цивилизации народа (Н. А. Добролюбов); Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства (Ф. М. Достоевский); Труд — дело святое, всякому подобает (Н. С. Лесков) и т. д.) (см. пословицы и афоризмы [4; 5]).

Между тем признанием роли труда в самой сущности человека и его жизни, отношение к труду не исчерпывается. Работа, особенно физическая, осознается и как изматывающая, постоянно преследующая человека, «ломающая» его — как следствие, стремление избавиться от трудов, отсутствие трудового энтузиазма (см. пословицы *От работы не будешь богат, а будешь горбат; От трудов праведных не построишь палат каменных, а посадишь душу в ад, так и будешь богат; От работы кони дохнут; Работа не волк — в лес не убежит*). В этой связи интересно осмысление антипода труда — лени. С одной стороны, *Человека лень не кормит, а здоровье только портит; Где работают — там густо, а в ленивом доме — пусто* и т. п., но с другой, сочетание лени и ума осознается как чрезвычайно результативное (см. расхожую фразу *Лень — двигатель прогресса*) — можно работать меньше, но эффективнее [6; 7].

Именно для такого — хотя бы чуть более продуктивного, чуть менее тяжелого труда — в незапамятные времена была изобретена первая машина, и с тех пор человек постоянно совершенствует свои возможности переложить труд на машины, а следовательно, и их самих.

Таким образом, нахождение в концепте «труд», своего рода средоточия антропоцентризма, обуславливает, на наш взгляд, особое значение образа (идеи) машины для мировосприятия. Однако, указав на важное положение образа машины в картине мира и схематично определив причины этого положения, мы обосновали интерес к образу машины со стороны лингвокультурологии, но не лингвоантропологии. Сказанного еще явно недостаточно для объяснения гипотезы — исследовать языковой образ машины, используя модель образа человека. В самом деле, пока не было сказано ничего, что подчеркнуло бы какую-то особенность именно машины — для жизни человека, в том числе трудовой деятельности, столь же значимы, например, животные.

Вторая причина — реализуемая «мерка человека». Машины осмысляются как спутник человека работающего, практически часть его тела, органически слившаяся с ним — отсутствие этой части делает невозможным получить плоды труда (*Без веретена пряжи не спрядешь; Без клещей кузнец что без рук; Без косы и сена не накосишь; Без снасти и вши не поймаешь; Без снасти только блох ловить; Без топора не плотник, без иглы не портной* и т. п.). Машины по тем или иным основаниям сравниваются с человеком,

наделяются его свойствами и функциями (*Мощный комбайн — в поле хозяин; Каков тракторист, таков и трактор; Машина любит ласку, чистку и смазку; Без работы и машина ржавеет* и др.) [8]. Развернутое уподобление машины человеку можно увидеть в художественных текстах, например, в песне В. Высоцкого «Як-истребитель». Самолет в тексте наделяется чувствами, волей, желаниями, он имеет мнение, симпатии и антипатии и т. д. С тем, «который во мне сидит», у самолета отношения постоянного конфликта и неразрывного единства практически равных. Как и у человека, представляющегося сочетанием внешних и внутренних качеств, у машины, становящейся в тексте субъектом действия, также могут быть обнаружены они (*зеленоглазое такси* из песни М. Боярского поймет чувства пассажира и отвезет по нужному адресу; *элегантные мустанги, мерседесы, ситроены* В. Высоцкого знают, что игра стоит свеч, любят и готовы говорить речь на клаксонах).

Итак, машина может быть сравнена с человеком, при этом ей могут быть приписаны собственно человеческие качества: она *будто* говорит, думает, чувствует, переживает и т. п. Однако несмотря на распространенность подобных сравнений, в том числе в повседневной речевой практике, это также не уникальное свойство образа машины — человеку уподобляются животные, природные объекты, стихии, города и проч. Иными словами, практически любому объекту, вовлеченному в сферу человека, может быть приписано то или иное антропное качество, в том числе исключительно человеческое.

Третья причина скрывается в выделенном выше слове *будто*. Действительно, самые разные объекты могут быть наделены человеческими чертами, но машины (не все!) могут эти черты *иметь*. Конечно, условно, однако весьма правдоподобно.

Традиционно отличительными чертами человека называют ум (ного не случайно *sapiens*) и речь. Для лингвистики способность человека к речи — первопричина существования, а все проявления этой способности — объекты изучения; что касается ума, то лингвисты неоднократно обращались к тому, как это качество осмысляется в картине мира (см., например, комплексное исследование Л. Б. Никитиной [9]).

Представляется, что если ум и речь — специфические черты человека, то объекты, которые будут наделены разумом и способностью говорить, могут быть не равны, но по крайней мере сравнены с человеком.

Обратимся к машинам.

С середины XX в. ученые занимаются проблемами искусственного интеллекта; не углубляясь в вопрос, сошлемся лишь на краткое описание основных направлений исследования искусственного интеллекта:

«1. Системы, которые думают, *подобно людям* (машины, обладающие разумом во всех смыслах этого слова; автоматизация действий, *присущих человеческому мышлению*; искусство создания машин, выполняющих функции, требующие при их выполнении людьми интеллектуальности; наука об обучении компьютеров до уровня человека в областях его превосходства).

2. Системы, которые думают *рационально* (изучение умственных способностей с помощью вычислительных

моделей; изучение моделей, позволяющих *чувствовать, рассуждать и действовать*; наука о проектировании интеллектуальных агентов; наука, посвященная изучению интеллектуального поведения артефактов» [10] (курсив наш. — Н. Ф., С. Д.).

Сейчас, в первой четверти XXI в., нас окружают машины, которые характеризуются как *умные*: умные часы, телефоны, лампочки, телевизоры и т. п. Ум такой машины проявляется прежде всего в самостоятельности и способности анализировать ситуацию и поступать с учетом обстановки — именно об этих аспектах ума можно судить по описаниям достоинств гаджетов (подробнее об этом см. [11]).

Теперь о речи. В фантастических фильмах разнообразных машин — как вполне человекообразных, так и совершенно на человека не похожих — говорят механическими голосами, которыми обычно не выражают оценок и чувств, потому что не испытывают эмоций. О таком говорении не стоит вести речь — это плод фантазии. Но действительность, как известно, нередко превосходит все самые смелые ожидания фантастов. В настоящее время мы можем наблюдать не вымышленные, а реальные ситуации, в которых машина выступает коммуникантом, причем не пассивным (человек склонен разговаривать, например в минуты затруднений, со всем, что его окружает, — возможно, это современное проявление анимизма), а активным. Коммуникант-машина может вести подобие диалога — таковы голосовые помощники Siri (Apple) и Алиса (Яндекс); поощрять, подбадривать, журить, направлять (фитнес-браслеты сообщают своим владельцам, причем по собственной инициативе: «Так держать!», «Занимайтесь больше, чтобы быть здоровым» и т. п.); сочинять стихи (Яндекс.Автопоэт) и фантастические романы (генератор фэнтези М. Кликина); писать рефераты (Яндекс.Рефераты); составлять поздравительные открытки и даже признания в любви (онлайн-генератор Алексея Ураева) и др.

Приведем несколько примеров, составленных машинной текстов.

Так, Яндекс.Автопоэт оформляет в стихотворную форму поисковые запросы пользователей — при желании и известном опыте в текстах можно увидеть глубокий смысл:

*мужские имена
куда ушла жена
высокая сосна*

удовлетворена (<https://yandex.ru/autopoet/monorim/26>)
(подробно о проекте см. [12]).

Сервис Яндекс.Рефераты производит бесконечное множество текстов по выбранной пользователем научной специальности. При тех же условиях — опыт и желание, а также при чтении «по диагонали» легко принять созданный текст за осмысленный:

Ритм, без использования формальных признаков поэзии, абсурдно аннигилирует гекзаметр. Мифопорождающее текстовое устройство потенциально. Мифопоэтическое пространство самопроизвольно. Возврат к стереотипам существенно редуцирует мелодический ритмический рисунок.

Комбинаторное приращение, на первый взгляд, диссонировать сюжетный генезис свободного стиха. Голос персонажа, несмотря на внешние воздействия, изменя-

ет. Транстекстуальность, без использования формальных признаков поэзии, редуцирует прозаический симулякр. Дискурс, если уловить хорейческий ритм или аллитерацию на «р», дает жанр (фрагмент реферата «Экзистенциальный симулякр глазами современников»; <https://yandex.ru/referats/?t=literature&s=65492>).

Итак, некоторые современные машины обладают умом и способностью к речи/текстопорождению. Да, *обладают* следовало бы заключить в кавычки, так как это иллюзия — результат мощного развития технологий. Человек, конечно, понимает, что часы и автомобили с ним не разговаривают, а компьютер не сочиняет стихи, но используемые для этого технологии настолько отчуждены от своих создателей, а обращение к чудесам техники стало настолько будничным, что пользователи в повседневной жизни не рефлексируют на тему «какой умный человек такое придумал» — в свете дней иллюзия того, что фитнес-браслеты рекомендуют нам вид активности, автомобиль советует, как припарковаться, компьютер проверяет и даже создает тексты и т. п., практически обретает реальное существование. Машина становится говорящим и мыслящим существом, и все больше сближается с человеком. Показателен в этой связи пример онлайн-генератора Алексея Ураева (<https://almiur.ru/index.php>). Поисковые системы отправляют пользователя сразу на страницу, которая представляет собой своеобразную анкету: сообщив некоторые сведения о виновнике торжества, обратившийся получает стихотворное поздравление. Никаких упоминаний о создателе сервиса нет (они не засекречены, конечно, но их надо специально искать), — удачно-го соавторства пользователю желает именно генератор.

Три названные причины свидетельствуют, как нам кажется, о существенной антропоморфизации машины в сознании современного человека. Последняя причина — приобретение способности думать и говорить — ставит машину в особое положение относительно других уподобляемых человеку образов и обуславливает возможность говорить не просто об образе машины в языковой картине мира, но о языковом образе машины, представленном двумя ипостасями — субъектной и объектной.

Основываясь на бинарном противопоставлении субъекта и объекта (в обоих случаях как речи/мысли, так и оценки), представим ипостаси языкового образа машины.

Объектная ипостась очевидна: это машина как тема размышлений и разговоров, средоточие мнений, отношений, оценок. Как совершенно очевидно следует из значимости машин для жизни человека, эта ипостась нашла отражение в паремнологическом фонде языка, в художественных текстах и повседневной речевой практике. Разнообразие оценок — частных (эстетических, этических и т. п.) и общих (положительных и отрицательных, причем с разной интенсивностью выраженных) — делает образ весьма детально прописанным.

Субъектная ипостась представлена двумя разновидностями, первая из которых может быть названа **квази-субъектной** и по сути является формальной модификацией ипостаси объектной. Она реализуется в текстах, подобных «Яку-истребителю»: якобы говорит машина, но на самом деле говорят о машине, демонстрируя упомянутое выше разнообразие авторских оценок и мнений. Вторую ипостась назовем **собственно субъектной** (признавая,

конечно, условность этого обозначения) и объединим под этим наименованием случаи, в которых машины являются коммуникантами и текстопроизводителями.

Представляется, что эта исследовательская схема может оказаться весьма перспективной при определении тех направлений, в которых язык осваивает новые, чело-векоподобные, амплуа машины.

1. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/13/ma223926.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.06.2019).

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : Оникс ; Мир и образование, 2009. 736 с.

3. Одинцова М. П. Основные понятия лингвоантропологии // Лингвистика человека: антология / под ред. Л. Б. Никитиной, Н. Д. Федяевой. Омск : Вариант-Омск, 2012. 360 с.

4. Афоризмы и цитаты про труд // Citaty.su. URL: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-trud-rabotu> (дата обращения: 12.06.2019).

5. Цитаты о труде // Time365.info. URL: <https://time365.info/aforizmi/temi/trud> (дата обращения: 12.06.2019).

6. Афоризмы и цитаты про лень // Citaty.su. URL: <http://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-len> (дата обращения: 12.06.2019).

7. Цитаты о лени // Time365.info. URL: <https://time365.info/aforizmi/temi/len> (дата обращения: 12.06.2019).

8. Пословицы и поговорки про инструмент // Сборник народной мудрости. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviцы-i-pogovorki-pro-instrument> (дата обращения: 12.06.2019).

9. Никитина Л. Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. 148 с.

10. Богачева Р. А. Проблема недоопределенности значения термина «искусственный интеллект» // Гуманитарная информатика. 2011. Вып. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-nedoopredelenosti-znacheniya-termina-iskusstvennyy-intellekt> (дата обращения: 12.06.2019).

11. Федяева Н. Д. Машина умная, человек продуктивный: о современных акцентах взаимодействия образов машины и человека в русской языковой картине мира // Новейшая филология: итоги и перспективы исследований : сб. ст. / отв. ред. О. В. Золтнер. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. С. 126–130.

12. Demchenkov Sergei A., Fedyayev Dmitry M., Fedyayeva Natalia D. "Autopoet" Project: a Semantic Anomalies Generator or a New Existence Creator? // Astra Salvensis — review of history and culture. Year VI, Supplement no. 1, 2018. P. 639–646.

© Федяева Н. Д., Демченков С. А., 2019

М. А. Харламова, В. С. Москаленко
M. A. Kharlamova, V. S. Moskalenko

УДК 81'33

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-111-114

МАРКЕРЫ ВОЗРАСТНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ И ТЕМАТИЧЕСКАЯ РАЗМЕТКА ТЕКСТА*

В статье анализируются возрастные маркеры, встречающиеся в диалектных высказываниях и репрезентирующие возрастную самоидентификацию диалектоносителей старшего поколения. По результатам исследования выявлены наиболее частотные маркеры возраста в диалектном дискурсе. Анализ «речемысли» диалектоносителей доказывает значимость концепта ВОЗРАСТ для их самоидентификации и способствует выработке методики тематической разметки диалектных текстов для размещения в региональном корпусе народной речи Среднего Прииртышья.

Ключевые слова: возрастная стратификация, возрастная самоидентификация, языковые маркеры, тематическая разметка диалектного текста.

AGE STRATIFICATION MARKERS IN DIALECTAL DISCOURSE AND THEMATIC TEXT MARKING-OUT*

The article analyses the age markers found in dialectal statements that represent the age self-identification of the aged dialect speakers. The results of the study revealed the most frequent age markers in the dialectal discourse. The analysis of "speech ideas" of dialect speakers proves the importance of the AGE concept for their self-identification and contributes to the developing the method of thematic marking out of dialect texts to be placed in the regional corpus of the Middle Irtysh region folk speech.

Keywords: age stratification, age self-identification, language markers, thematic marking-out of dialectal text.

Известно, что современная лингвистика, и зарубежная, и отечественная, с 80–90-х гг. XX в. обратилась к дискурсивному анализу, который «существует в условиях плюрализма» — последнее, безусловно, связано с многообразием

«как методов анализа, так и определения самого объекта анализа — дискурса» [1, с. 139]. По справедливому замечанию В. Е. Чернявской, «<...> адекватность выбора дискурсивного метода работы с языковыми фактами существенно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ; проект № 18-012-00519.

The article has been prepared with the financial support provided by RFBR; project No 18-012-00519.